

Руслан Зайдулла

Яблоне́вый ГОД

ИЗ СОСЕДНЕЙ комнаты донёсся мелодичный звон колокольчика. Ладонями стерев с лица гримасу недовольства, Айгуль легко встала и подалась навстречу звону. Она уже около года мучилась с мужем. Ведь кто мог подумать!.. Какие светлые надежды, необъятные мечты обуревали её, когда вышла замуж за Ахсана Ренатовича. Нашлись, конечно, и те, кто ехидно бросал ей вслед – как же без них?! – мол, за такого богача старше себя на двадцать лет по любви не выходят, ну а без расчёта кто же наденет на шею такой хомут? Когда Айгуль стала встречаться с Ахсаном Ренатовичем, то мысленно спорила со сплетницами-подругами. Во-первых, когда у тебя тридцатник на

носу, а ты живёшь по своим жёстким принципам и нет выбора, как быть иначе? Во-вторых, когда поженились, Ахсан Ренатович был стройным сорокадевятилетним красавцем с гладким, без единой морщинки лицом и иссиня-чёрными волосами. А какой у него темперамент был, какая сила!.. Разумеется, он не чета тогдашним хлипким, прыщавым юнцам! Это Айгуль с первого взгляда уловила.

В ту пору Ахсан Ренатович работал в министерстве сельского хозяйства. Понятно, на этой работе особо не разбогатеешь. Был у него, конечно, и частный бизнес – и весьма прибыльный! Честно говоря, Айгуль не очень-то интересовалась его делами... Для засидевшейся в

невестах девушки такой состоятельный во всех отношениях кавалер – находка. Но есть, правда, у него жена, двое взрослых детей, внук всюду бегают... Значит, Ахсан Ренатович уже и дед. Самый натуральный! А чему тут удивляться? Вот если бы здоровый сорокадевятилетний мужчина ходил в холостяках, это-то и должно было бы удивлять.

Весь бизнес Ахсана Ренатовича был записан на имя жены. Его доход составлял сотни тысяч рублей, а у его супруги – миллионы! И почему в министерстве на место руководителя отдела не посадили его более деловую жену? Когда бы вышел закон о замене всех высокопоставленных чиновников на их жён, зарабатывающих во сто крат больше своих мужей, наша страна в экономике давно бы вырвалась в лидеры.

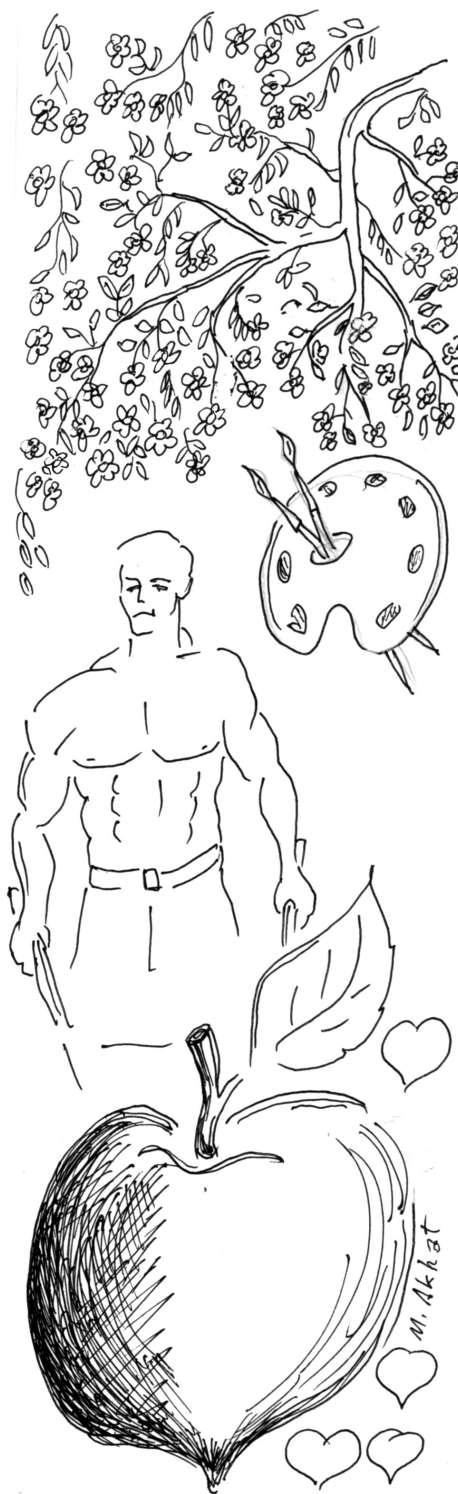
Пять лет тому назад Айгуль устроилась в это самое министерство сельского хозяйства секретарём-референтом. В отдел, возглавляемый Ахсаном Ренатовичем. Шансов на то, что руководитель отдела обойдёт её вниманием, было ничтожно мало. Вернее, их совсем не было. Всё-таки она была необыкновенно хороша собой. И Ахсан Ренатович обратил на неё внимание в первый же день. Как утверждал позднее, в первую же минуту. Любовь с первого взгляда, чёрт её побери!

Айгуль, конечно, никакого отношения к сельскому хозяйству не имела. В детстве вдохновенно рисовала сдобные булочки, растущие на деревьях. В гостях у бабушки однажды, увидев корову, изумлённо вскрикнула:

– Мама, взгляни на эту корову, точь-в-точь как на рисунке в книжке!

Тайком от матери она даже подёргала корову за хвост, желая убедиться, настоящая она или нет. В память об этом у неё в паху до сих пор шрам красуется. Корова оказалась настоящей!

Ахсан Ренатович был осторожным человеком. Свои любовные игры с Айгуль он старался держать в тайне. Был у него близкий друг – они дружили ещё со школьной скамьи, художник. Несмотря на возраст, носил длинные волосы,

усы, бороду с проседью, худощавый, невысокого роста... Как был мальчишкой, так на вид и остался им!

Мастерская находилась на нижнем этаже старинного дома напротив Лядского садика. Это был полуподвал – из окон, упирающихся в потолок, видны были только ноги проходивших по тротуару людей. Однако здесь было сухо, воздух хороший... Запах краски, конечно, присутствовал постоянно. До сих пор, услышав этот запах, у Айгуль учащается сердцебиение. Краски у художника были особенными – они отдавали ароматом свежих яблок.

Хотя его звали Шафигулла, но Ахсан Ренатович обращался к своему другу по странному имени Немец. Он родился где-то в Сибири, кажется, его мать работала уборщицей в лагере для военнопленных немцев. Если бы не безвременная кончина Сталина, вероятно, он так бы и остался там на всю жизнь. Со смертью кремлёвского горца немцев отправили восвояси, а тысячу раз сожалевшая о своём легкомысленном шаге женщина со своим годовалым Шафигуллой на руках отправилась обратно в родную деревню.

В домике размером с курятник одиноко проживала её мать. Вдвоём они как-нибудь поднимут малыша на ноги. Только можно разве в деревне утаить что?! Как только мальчик потопал по земле своими ножками, так к нему и приклеилось прозвище Немец.

Хотя сам он никак не походил на арийца. Скорее, черты его лица тяготели к монголоидному типу...

Отчего же сейчас вспомнился этот художник?

От его картин пахло яблоками.

...Звон колокольчика бил по мозгам.

Айгуль поспешно вошла в кабинет Ахсана Ренатовича. Колёсико его кресла застряло за ножкой стола, и он силится высвободить его. Да, его здорово шарахнуло insultом. Вначале не было никакой надежды, что выживет. Но нет, выкарабкался, можно сказать, из могилы. Но после этого сильно переменялся и внешне, и характером. Что и говорить,

нынче это заболевание популярно – только и слышишь: у этого insult, у того insult. Упаси боже!

Айгуль салфеткой вытерла рот Ахсана Ренатовича, поправила ему волосы. Широкий рукав шёлкового платья соскользнул с плеча, её белые, пухлые руки мелькали перед самым носом мужа. Ахсан Ренатович что-то невнятно пробормотал. Он хотел что-то сказать...

...В мастерской слева от входа находился диван. Напротив располагался длинный стол, а справа высился мольберт. Ещё дальше, прислонившись друг к другу, стояли картины в рамах. Много картин хранилось и в соседней комнате. Немец был то ли сюрреалистом, то ли авангардистом, кто его разберёт. Даже наши искусствоведы не понимали, что же такое он изображал на своих картинах. Самого Немца это вроде бы вообще не волновало. И кто из великих был понят и признан своей эпохой – Гоген, Ван Гог, Модильяни?..

Впрочем, всё же несколько человек по-настоящему верили в его талант. Одной из них была смуглолицая, уже в летах дама-искусствовед. Если уж заговорит она, то, увлечшись, напрочь забывала о существовании внешнего мира, кроме себя, конечно. Да и Ахсана Ренатовича. Третьим был Шафигулла Кадим. Последней – она, Айгуль, которая, возможно, была единственным человеком, всей душой поверившей в дарование Немца, понимавшей его каким-то внутренним чутьём. Всё-таки в речах той словоохотливой дамы была едва уловимая примесь фальши, а Ахсан Ренатович, кажется, просто жалел своего друга. Даже у самого Шафигуллы Кадима вера в себя была ущербной, порой его глаза застывали в каком-то безысходном оцепенении – в такие минуты этого стареющего мальчика, этого непонятого художника хотелось погладить по голове...

Чем-то обеспокоен был Ахсан Ренатович. В это время он обычно дремал. Или, положив на колени, листал какую-

нибудь книгу. В основном это были альбомы с цветными репродукциями.

Айгуль взглянула на картину, висевшую на стене кабинета. Изображённые на ней странные линии и мазки в зависимости от её душевного состояния читались по-разному. А вот сейчас, бросив взгляд на полотно, вздрогнула! Это была совершенно другая картина. Извилистая дорога обрывалась вдаль и завершалась кругом, а линии, сплетаясь друг с другом, образовывали кольцо, в просвете которого сиял ослепительный мир! Светлый-пресветлый! Без конца и без краю!

Ахсан Ренатович снова что-то пробормотал.

– О чём ты говоришь?

– Б-б-ы... – Он пытался поднять руку.

Айгуль поняла: ему, кажется, охота выйти на улицу. А у них во дворе, прямо за порогом начинался яблоневый сад.

Сторонясь людских глаз, встречаться в мастерской Немца задевало самолюбие Айгуль. После каждого свидания в душе оставался горький осадок. Ахсан Ренатович всё-таки солидный человек, занимающий высокий пост, самой Айгуль скоро стукнет тридцать, а они всё тайком да тайком... Однажды терпение у Айгуль лопнуло и она заявила:

– Ахсан! Я больше не могу так. Ты боишься посидеть со мной даже в кафе.

– Я же не могу разорваться надвое!

– А я больше не могу ходить в тайных любовницах. Это унижительно.

– Милая моя! Любовь таится в укромном месте. Её не выставляют напоказ перед всем миром.

Айгуль недовольно скривила губы:

– Не выставляют напоказ? Она что, гигиеническая прокладка? Вы, мужчины, только ради собственной прихоти заговариваете о любви. А я хочу с тобой под руку пойти в театр. Я ведь живой человек. Женщина. Но для тебя я лишь сосуд твоих желаний...

– Что это ты? Разве нам плохо вдвоём?

– Ты меня прекрасно понял!

Ахсан Ренатович долго сидел мол-

ча. Айгуль знала: перед тем как окончательно переселиться в загон старости мужчины делают попытку выпрыгнуть за его ограду. Спустя некоторое время они утихомириваются, вновь покорно подставляют голову под хомут и, смирившись с судьбой, возвращаются в прежнее стойло. Если супруга оказывается разумной женщиной, то она делает вид, будто не замечает этих любовных походов, не скандалит, а лишь с усмешкой дожидается, когда её непутёвый мужёнок вернётся и послушно уткнётся носом в привычное корыто.

Однако его жена Луиза Бариевна была не из таких. Она была вроде бы умной. Но терпения у неё ни на что не хватало. Слишком ревновала мужа. Луиза Бариевна на несколько лет была старше своего мужа, а к женщинам паутина старости льнёт раньше... Было время, когда Луиза Бариевна крепко держала Ахсана Ренатовича в своих руках. Отец её работал тогда в обкоме! Ахсан, сельский паренёк, только что окончивший университет, понравился ей с первого взгляда. И она женила его на себе! Да, женила – квартира принадлежала ей, куплена была её отцом, и будущее новоиспечённого муженька зависело от неё. Исполнительный и послушный паренёк Ахсан имел породистую внешность, правда его деревенское происхождение то и дело давало о себе знать. Но это было поправимо.

«Я из тебя человека сделала!» – кричала Луиза Бариевна в гневе. Чем старше становилась, тем чаще она находила повод для скандалов.

Но кому же понравится, когда тебя постоянно клюют в темечко? Ахсан Ренатович был уже далеко не деревенским простачком. Частые же напоминания жены о его прошлом вызывали только неприязнь и раздражение. Тесть к тому времени состарился и, как говорится, вышел в тираж. Его поддержка и помощь в продвижении по карьерной лестнице давно позабыты. Разве своего высокого положения Ахсан Ренатович не добился своим трудом, усердием и упорством? Хотя супруга запальчиво

отстаивала роль отца, но его помощь на старте карьеры со временем стала казаться Ахсану Ренатовичу весьма незначительной.

Однажды в кабинет Айгуль (у неё был уже собственный кабинет) вошла полноватая, круглолицая женщина с горящими глазами.

– Это ты, потаскушка? – спросила она чинным голосом, сверив личность соперницы по фотокарточке в руке. Видать, портретиком Айгуль снабдил её какой-то доброжелатель.

На подобный вопрос нельзя ответить ни «да», ни «нет». Впрочем, Луиза Бариевна не нуждалась в ответе. Она шагнула к Айгуль и больно схватила её повыше локтя. Пальцы у неё – клешни! Айгуль успела заметить только покрытую тёмными пятнами кисть её руки и громко вскрикнула, а из глаз брызнули слёзы. Другой рукой Луиза Бариевна наградила любовницу мужа увесистой пощёчиной и молча вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

После этого Ахсан Ренатович дней десять на работе не появлялся. Говорили, будто был на больничном из-за простуды. Однако, когда наконец появился, под глазами угадывалась подозрительная желтизна.

Айгуль уволилась. По собственному желанию.

На белом свете тем временем закипала весна. Неудержимо новая жизнь зарождалась! Айгуль поняла: со старой нужно прощаться.

Она решила некоторое время побыть отшельницей в своей квартире, дабы прийти в себя. Каждое утро Айгуль, словно собираясь на работу, красилась и наряжалась, а затем усаживалась в кресло возле окна с книгой в руках. К чтению художественной литературы она приохотилась ещё с детства. На исходе десятого дня в дверь робко постучались...

Отбросив в сторону книгу, Айгуль стремглав подбежала к двери: «Он! Конечно, он!» Тем не менее, успела набросить на лицо завесу равнодушия. Ахсан Ренатович нетерпеливо обнял её. Даже не поздоровавшись, прошептал на ухо:

– Давай одевайся!

Айгуль отстранилась. Лицо Ахсана Ренатовича помрачнело, подбородок заострился и выдался вперёд:

– Поехали! У меня для тебя – сюрприз.

В нос будто пахнуло яблочным ароматом. Айгуль хорошо знала своего Ахсана – тут главное не переборщить! Схватила плащик с вешалки...

Ахсан Ренатович вёл машину молча.

– Мы развелись с Луизой... – вымолвил он спустя некоторое время.

Айгуль не отозвалась.

– Я ушёл с работы, – сказал он, когда уже выезжали из города.

Айгуль не раскрыла рта.

Снова довольно долго ехали в безмолвии. Наконец Айгуль заговорила:

– Куда мы едем?

Ахсан Ренатович рассмеялся, правой рукой притянул Айгуль к себе.

– Словно гора с плеч... – признался он. – Я сегодня счастлив, понимаешь ты это, моя милая Айгуль!

Недалеко от границы с самарскими землями, свернув с большой дороги, он направил машину в сторону маленькой деревни в низине. На окраине деревни они оказались в огромном яблоневом саду, раскинувшемся на склоне холма. На вершине красовался двухэтажный, внушительных размеров коттедж.

– Этот дом наш, – объяснял Ахсан Ренатович. – Яблоневый сад тоже наш. Здесь ты хозяйка!

Айгуль окинула взором выстроившиеся стройными рядами яблони. Словно девушки в белых ичигах и зелёных платках собрались идти за водой на речку, что пересекала низину. Ветви усыпаны набухшими бутонами, через несколько дней сад окутается белой пеной, а спустя два-три месяца, вплывая в окна нового дома, аромат яблочек разбередит всю душу. О боже, неужели счастливая жизнь так близка?!

Из двери выбежала пожилая женщина в белом платке.

– Здравствуйте, с приездом! – протянув обе руки, поздоровалась она. – Давно ждём.

– Это тётя Марфа! – Ахсан Ренатович добродушно похлопал её по плечу. – Помощница тебе по хозяйству. В таком доме дел невпроворот. У неё и сын будет нашим помощником. Сергей здесь, тётя Марфа?

– Здесь... – Она махнула рукой в сторону сада. – Целый день с яблонями возится.

– Немой он, – объяснил Ахсан Ренатович. – Когда колхоз развалился, остался без работы и впал в депрессию. А так он работающий парень. Любое дело спорится в его руках. На том конце сада есть летний домик, наверное, там он.

– Спасибо тебе, Ахсан-сынок, – сказала тётя Марфа. – Пойдёмте, чай заварен, стол накрыт...

Широко раскинув руки, будто желая объять весь яблоневый сад, Айгуль всей грудью вдохнула свежий весенний воздух.

...Когда она покатила коляску к двери, Ахсан Ренатович, нервно начал бормотать, брызжа слюной и рукой указывая под стол. Айгуль нагнулась... а там врассыпную лежали фотокарточки из её девичьего альбома. Опустившись на колени, она начала собирать их. Но вдруг отдёргнула руку, будто обожглась. На самом видном месте – её разорванный надвое снимок, где она загадочно улыбается, распустив волосы и выставив обнажённое плечо. Это было та самая фотокарточка, принесённая Луизой Бариевной в тот злополучный день. Ахсан Ренатович с потемневшим от гнева лицом пытался вскрикнуть, указывая на разорванную фотографию пальцем, только голос его не слушался. Айгуль спрятала разорванные части карточки в карман халата и выпрямилась.

– Отчего ты взъярился? – сказала она холодно. – Оттого что это та самая фотография, копию которой получила твоя супруга от доброжелателя? Если бы твоей жене не пришла анонимка с этой фотографией, ты же и не подумал бы о разводе! Только этот скандал и вывел тебя из летаргического сна.

Как маленький ребёнок, уткнувшись

лицом в ладони, Ахсан Ренатович заплакал.

– Хватит тут... – Айгуль резко развернула коляску к двери. Ахсан Ренатович, потеряв равновесие, упал на пол.

– Ах ты, моё наказание! – Айгуль усадила его обратно.

Выехали в сад. И запах яблок, словно желая заполнить собой всю вселенную, плыл густой волной к горизонту и возвращался обратно.

Из-за деревьев, катя впереди себя тележку, полную яблок, вышел Сергей и, заметив хозяев, с улыбкой склонил голову. Направившегося в сторону летнего домика парня Айгуль проводила взглядом. Он до пояса был обнажён, при каждом шаге на его загорелой спине играли мускулы, это было заметно даже издали... В прошлом году тётя Марфа умерла и осиротевший парень показался Айгуль очень несчастным.

После обеда Айгуль уложила Ахсана Ренатовича спать и, хмелея от яблочного духа, долго бродила среди яблонь. Хотя уже осень дохнула холодком, но солнце всё ещё припекало. Сама того не замечая, она оказалась перед летним домиком. Немного поколебавшись, прошла внутрь. В доме высились горы ящиков с яблоками, видимо, их не успели увезти в районный центр, где работал цех по производству соков, принадлежавший Айгуль. Неубранная постель Сергея была уставлена ящиками. Бедняжка! Где он пропадает?..

На выходе Айгуль взяла из ящика у двери спелое, наливное яблоко. Прищурившись, она протянула его к солнцу. В самой сердцевине прозрачного плода обосновался крошечный червячок. Удобно устроился, парень! Айгуль размахнулась было, чтобы выбросить червивое яблоко, но передумала. Что такого?! В натуральном яблоке вполне естественен червячок. Это же безвредное и, в принципе, созданное Богом существо...

И Айгуль вонзила свои белые зубы в сочную мякоть яблока.